

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В книге, которая лежит перед вами, вы найдете работы С. Кьеркегора, посвященные религиозной тематике. Большую часть книги составляют экзегетические работы мыслителя, в которых он размышляет над избранными местами Священного Писания. Эти работы С. Кьеркегор неизменно публиковал под своей собственной фамилией, в отличие от работ философского цикла, всегда имеющих псевдонимическое авторство.

Псевдонимы дают Кьеркегору возможность говорить с различных условных позиций, и Кьеркегор, заимствуя этот прием у И. Г. Гамана¹, создает целый многоголосый мир псевдонимических персонажей, выступающих в роли авторов его философских произведений и, явно или неявно, ведущих друг с другом диалог. Авторская позиция здесь, хотя и узнаваемая порой в пронзительной речи того или иного псевдонима, может быть в полной мере услышана лишь через полифоническое взаимодействие разных «голосов».

Напротив, для экзегетических работ С. Кьеркегора характерна тональность личного обращения автора к тому «единственному», кого он «с радостью и благодарностью

¹ Иоганн Георг Гаман (1730—1788), гениальный мыслитель-христианин 18 века, работы которого отличаются намеренно сложным построением, во многом является предшественником Кьеркегора, прекрасно знавшего его труды. Работу Гамана с псевдонимами можно видеть, прежде всего, в его полемике с гердеровским «Трактатом о происхождении языка».

называет своим читателем». Работы этого цикла он называет Taler, «беседы». Слово Taler — датский аналог греческого ὁμιλία, гомилии. Беседы Кьеркегора имеют характерную для гомилий структуру: после предисловия (посвящения работы «своему читателю») и написанной самим Кьеркегором молитвы приводится небольшой отрывок из Священного Писания, над которым автор размышляет затем на протяжении всего произведения.

Называя эти работы Taler, «беседы», Кьеркегор не только указывает этим на их принадлежность гомилетическому жанру, но и дает понять, что это *не проповеди*, поскольку их автор не наделен необходимым для проповеди *авторитетом* — то есть не является священником и не имеет церковного благословения проповедовать¹. Не будучи проповедями, эти работы, — подчеркивает *Кьеркегор*, — ни для кого не обязательны, они обращены не ко «всем», но к «своему читателю» — к тому чуткому человеку, кто, — говорит Кьеркегор, — «читает вслух самому себе то, что я пишу в тишине; кто разрешает своим голосом чары письма, своим голосом изводит из плена то, что немые буквы словно таят на устах и, тщетно сиюсь сказать это сами, заикаются, произнося лишь несвязные звуки; кто настроен так, что спасает пленные мысли, которые жаждут на волю, — тому чуткому человеку, кого я с радостью и благодарностью называю *моим* прибежищем, кто, делая мое своим, делает для меня больше, чем я для него».

В беседах Кьеркегор раскрывает темы, жизненно важные для человека; он говорит о бытии самим собой, о радости и страдании, о молчании и слушании, о благодарности и о любви. Но центральной темой всей этой серии его работ является тема веры.

¹ Впрочем, известна и проповедь С. Кьеркегора, которую он, будучи магистром богословия, прочитал в 1844 г. в церкви Св. Троицы в Копенгагене. Русский перевод этой проповеди вы также найдете в данной книге.

«Вера от слышания, а слышание — от слова Божия», — говорит апостол Павел (Рим 10:17). Выходит, само слово Божие созидает в нас слышание! Как такое может быть? Разве способность слышать не должна присутствовать в нас до того, как для нас прозвучит слово Божие, чтобы мы могли услышать его? Как понимать нам слово апостола?

У Кьеркегора мы можем найти мысль, важную для понимания того, что говорит здесь апостол Павел: слышать слово Божие таким слухом, который лишь регистрирует звуки и слова, — значит, не слышать его на самом деле; ведь слово Божие *лично* задевает и уязвляет каждого из нас, и эта уязвленность им и есть его настоящее слышание — слышание, побуждающее этому слову отвечать. Именно как личный ответ на слово Божие и рождается, по Кьеркегору, вера, — ответ, который должен иметь силу победить напрашивающиеся при встрече со словом Божиим раздражение и насмешку. Если же, — говорит Кьеркегор, — «слышанное не вызвало у тебя никакого раздражения хотя бы в то мгновение, когда ты обнаружил, как близко оно тебя затрагивает, и когда тебя спасла безусловная преданность; если слышанное не вызвало в тебе желание осмеять его, даже если ты в то же мгновение сердцем принял его, блаженно от всего отрешившись, — тогда весьма сомнительно не просто то, что ты состоишь с этим словом в правильных отношениях, но сомнительно, что ты вообще состоишь с ним в каких-либо отношениях».

Раздражение и насмешка стоят у врат веры потому, что слово Божие есть свидетельство Божьего Царства, которое — «не от мира сего» (Ин 18:36). Мирской ум не может принять это слово; для этого «должен... в мысли и речи произойти такой переворот, такое чудо из чудес, когда жизнь так изменится для человека, что видимое, бывшее для него самым надежным, станет сомнительным, а духовное, разочаровывавшее его своей далекостью, станет самым надежным, бесконечно надежнее видимого».

Значит ли такое понимание веры обесценивание видимого? Вовсе нет. Как показывает Кьеркегор, как раз потому, что видимое для верующего *не является опорой*, что он *не держится* за внешнее, верующий оказывается способен открыться его неиссякаемому богатству и красоте, принимая видимое как щедрый Божий дар. Как пишет Кьеркегор, обращаясь к евангельскому образу полевых лилий и птиц небесных, «никто не имеет права всерьез считать, что то, чему радуются лилия и птица, и все подобное этому, — что все это ничтожно и не заслуживает радости. То, что ты появился на свет, что ты есть, что тебе «сегодня» надлежит быть; то, что ты появился на свет, что ты родился человеком; то, что ты можешь видеть, подумай, ты можешь видеть, что ты можешь слышать, что ты можешь обонять, что ты можешь чувствовать вкус, что ты можешь осязать, что солнце светит тебе — и ради тебя, что, когда оно устает, появляется луна и зажигаются звезды; что приходит зима, и вся природа меняет наряд, изображает незнакомку — чтобы развеселить тебя; что приходит весна, и птицы прилетают огромными стаями — чтобы порадовать тебя, что пробивается зелень, что лес хорошеет и стоит, как невеста — чтобы тебе доставить радость; что наступает осень, что птица улетает не для того, чтобы набить себе цену, о нет, но чтобы не наскучить тебе, что лес прячет свой наряд до следующего раза, то есть чтобы в следующий раз суметь порадовать тебя: и это-то ничтожно и не заслуживает радости! О, если бы я смел браниться; но из почтительности к лилии и птице я не посмею этого сделать, и потому я, вместо того чтобы сказать, что нечему здесь радоваться, скажу, что если все это не заслуживает радости, тогда нет ничего, что заслуживало бы радости!»

Верующий, как показывает Кьеркегор, вообще бесконечно далек от обесценивания чего бы то ни было. Все, что входит в его жизнь, он принимает как часть пути, по которому ведет его Бог; все, включая страдания, даже самые тяжкие. В этом нет пассивности: ведь идти этим путем

ему приходится *самому*, — но нет и самонадеянности: он все свое упование возлагает на Бога, Путь веры не допускает никакой обезличенности: каждое мгновение я сам лично отвечаю тому, что преподносит мне жизнь, — отвечаю Богу, ближнему и миру, — ища, чтобы этот ответ был по-настоящему моим, раскрывающим меня в свободе, силе и красоте. Жизнь по вере, — показывает нам Кьеркегор, — это жизнь избыточествующая, жизнь, торжествующая даже тогда, когда обстоятельства предельно тяжки. Кьеркегор показывает это в том числе в своей замечательной работе «Полевая лилия и птица небесная», рисуя перед читателем образ лилии, которой суждено расти в самых неблагоприятных условиях.

Место, в котором этой «лилии предоставлено расти, не просто крайне жалко, но еще, очевидно, и таково, что ее за всю жизнь никто никогда, быть может, не увидит, никто не порадуетсся ей; ее место и окружение — да, я и забыл совсем, что говорю-то о лилии — столь «отчаянно» жалки, что не просто не будет преувеличением, но даже слишком расплывчатым будет сказать: послушная лилия послушно смиряется со своим местом и растет во всей своей красоте. Мы, люди, или кто-нибудь из нас, сказали бы, пожалуй, на месте лилии: «Это тяжело, это невыносимо — ведь если ты лилия и прекрасен, как лилия, то быть помещенным в такое место, где ты будешь цвести в окружении столь неблагодарном, насколько только возможно, в окружении, которое словно специально придумано для того, чтобы уничтожить всякое впечатление от твоей красоты — нет, это невыносимо; здесь Творец противоречит Сам Себе!» Вот как, пожалуй, стал бы говорить человек — или мы, люди, — на месте лилии, увядая там от огорчения. Но лилия думает иначе, она думает примерно так: «Я сама не могу выбирать место и условия, в которых я живу, да и не мое это дело; то, что я стою, где стою — на то воля Божия». Так думает лилия, и то, что она действительно так думает — думает, что такова воля Божия, — видно по ней: ведь

она прекрасна — Соломон во всей славе своей не одевался так, как она. О, если бы лилия с лилией состязались в красоте, этой лилии должен был бы достаться приз: в ней на одну ступень больше красоты — ведь быть красивой, если ты лилия, не составляет никакого искусства, но быть красивой в таких условиях — искусство. В окружении, где все препятствует этому, в таком окружении в полной мере быть и оставаться самой собой, смеясь над всей силой окружения, нет, не смеясь, — лилия не делает этого, — но пребывая совершенно беззаботной во всей своей красоте!»

Такая беззаботность, о которой на примере лилии говорит Кьеркегор, это беззаботность веры. Важно понимать, что она не только не имеет ничего общего с закрытой, монологической отрешенностью от происходящего, но и прямо противоположна таковой. Это беззаботность в смысле отсутствия даже тени ропота на обстоятельства или желания их изменить, но она же является и той поистине серьезной заботой, в которой живет и обновляется наш «внутренний человек»: заботой о том, «что мир имеет значить для меня, и что — я для мира. «Эта забота не прекращается ни на мгновение, ведь знание, которое обретает в ней человек, не есть безразличное знание. И если он думает раз и навсегда удовлетворить требованиям этой заботы и на том с ней покончить, то внутренний человек рождается в нем мертвым и исчезает вновь. Но если он поистине озабочен, тогда все с Богом будет служить утверждению во внутреннем человеке; ведь Бог верен¹ и не перестает о Себе свидетельствовать². Но Бог есть Дух³, и потому Он может свидетельствовать лишь в духе, каковой обретается во внутреннем человеке; всякое внешнее свидетельство от Бога, если о таковом и может идти речь, может точно так же быть и обманом».

¹ 1 Кор 1:9, 10:13; 2 Кор 1:18.

² Деян 14:17.

³ Ин 4:24.

Размышления Кьеркегора о вере обладают тонкостью, глубиной, но одновременно и простотой, делающей их доступными и для читателя, не имеющего специальной философской подготовки. Их чтение способно углубить наше понимание человеческой жизни, сделать его более точным, оно способно вдохновлять и воодушевлять нас. Однако сам Кьеркегор в своих беседах постоянно предостерегает нас от того, чтобы оставаться по отношению к слову Божию лишь размышляющими над ним или черпающими в нем мечтательное вдохновение. Слово Божие надлежит исполнять. И потому, читая Кьеркегора, постараемся быть, как говорит столь любимый им апостол Иаков, «исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие сами себя» (Иак 1:22).

А.Л. Лызлов

ДЕВЯТЬ БЕСЕД

1843

ДВЕ НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ

*Моему покойному отцу
Михаэлу Педерсену Кьеркегору,
некогда торговавшему трикотажем
в нашем городе, посвящаются эти беседы*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя эта небольшая книга (названная «беседами», а не проповедями, ведь ее автору не дана власть *проповедовать*; «назидательными беседами», а не беседами для назидания, ведь ведущий эти беседы ни в коей мере не претендует на то, чтобы быть *учителем*) желает лишь быть тем, что она есть, то есть чем-то совсем необязательным, и жаждет, втайне явившись на свет, лишь оставаться сокрытой, все же прощаясь я с ней не без почти что сказочной надежды. Поскольку она, будучи издана, отправилась — в переносном смысле — в своего рода странствие, я на краткое время позволил себе последовать за нею взглядом. Я смотрел за ней, как она шла одинокой тропой или одиноко по проезжей дороге. После одного-двух небольших недо-разумений, когда она была обманута поверхностным сходством, она, наконец, повстречала того единственного, кого я с радостью и благодарностью называю *моим* читателем, того единственного, кого она ищет, к кому она словно стирает руки, того единственного, кто так отзывчив, что дает ей себя найти, кто так отзывчив, что принимает ее, застанет ли она его в мгновение встречи радостным и дерзновенным или «усталым и задумчивым»¹. — Поскольку

¹ Эти слова, взятые С. Кьеркегором в кавычки, отсылают, по-видимому, к работе морского офицера Ф. К. Лютке «Святое ободрение в часы усталости и задумчивости» (Копенгаген, 1764 г.), в которой,